

Н.В.Семёнова

ПЕРВАЯ НА РУСИ «ПОХВАЛА КНИГЕ»: ОБРАЗ СЛОВА

Гуманитарный институт НовГУ

The subject of this article is the image of «Word» in one of ancient hand-written Russian books.

«Изборник 1076 года» — старейшая из датированных русских книг, относящихся к Киевскому периоду Древней Руси. По своему предназначению и содержанию она приближается к так называемым *гномологиям*, т.е. сборникам переводных мудрых изречений (от греч. γνῶμο-λογία — употребление изречений), которые имели широкое хождение у южных славян в первые века после крещения. Гномологии представляли собой собрания поучений и наставлений отцов Церкви, своего рода «рекомендации» и «руководства к жизни», освященные авторитетом Церкви. В древнерусскую же литературу они вошли в виде разных жанров, из которых, пожалуй, самым популярным и известным на славяно-русской почве стал жанр «патерики» — сборника повествований о подвижниках какой-либо обители (от греч. πατήρ, лат. *pater* — отец; соответственно, патерик — это «книга об отцах»). Однако патерики, как и многие другие, приобретенные позднее на Руси большую популярность, святые книги появились гораздо позднее 1076 г.: примерно с XII-XIII вв. «Изборник» же тем и интересен, что не имеет фактически никакой предыстории: до него на Руси хорошо известны были, в общем-то, только два книжных источника, в которых так или иначе ощущалась восточнославянская обработка, — «Остромирово Евангелие 1056 года» и «Изборник Святослава 1073 года». «Изборник 1076 года», безусловно, менее известен, чем эти два выдающихся произведения, и сыграл в истории становления русской словесности куда менее значимую роль, но законно занимает свое почетное место в одном ряду и с евангельским текстом, переданным нам новгородским дьяконом Григорием, и с «собранием мудрых» мыслей, составленным киевским диаконом Иоанном в честь Святослава. Его по праву называют первой на Руси «Похвалой книге», и это верно даже не потому, что начинается собрание мудрых изречений со статьи, прямо посвященной восхвалению «почитания книжного», а в силу того глубоко почтительного отношения к слову, можно даже сказать, сфере речевой деятельности, которое мы обнаруживаем на страницах «Изборника 1076 года».

Словесный образ в «Изборнике» чрезвычайно полисемантичен и полифункционален. С первых строк знаменитого «Слова нѣко~го калѣгера о чьтении книгъ»» (калоугерь — от греч. καλόυγρος — монах) — начальной статьи «Изборника» — речевые концепты, актуализирующие словесный образ, вводились очень широко, варьировались виртуозно и наполнялись разными смыслами. Тематически они распределяются на: 1) слова Божьи; 2) слова — обращения к Богу; 3) слова — маркеры повседневной речевой практики.

Слова Божьи — это своеобразная «трансляция» теологического знания, высокого Божественного Слова и, соответственно, учения Христа. Словесный образ в этом ракурсе «Изборник» представляет равным греческому λόγος, открывающемуся через «святые книги», святоотеческие тексты, выдержек из которых в «Изборнике» немало, и апостольские «Слова». Можно с полным основанием сказать, что слово в теологическом прочтении «Изборника 1076 года» — это текст, это прежде всего слово книжное. Книги же, как известно, в XI в. были по большей части переводными с греческого (с той или иной степенью восточнославянской обработки) и распространялись на Руси только с одной целью — просветить, передать тысячелетний европейский опыт постижения христианского учения.

Речевые концепты, относящиеся к области теологического знания, с одной стороны, предельно просты, с другой стороны, чрезвычайно богаты в содержательном наполнении. Слова Бога — это *сведения Его* («Добро есть брати~ поч~тань~ книжно~: паче вьс#комуу хрьсть"ноу • блажени бо рече: испытаауштии *свѣдѣнии*" его вьс#мь срдцьмь взышють его»*), это *закон* («и отъкрыи бо рече очи мои • да разоумню чюдеса от *закона* тво~го», «Коль сладька словеса тво" паче меда оустомъ моимъ • и *законъ* оустъ твоихъ паче тыс#шт# злата и сребра»), *заповедь* («не съкрыи отъ мене *заповѣдии* твоихъ»), это, наконец, *письменное*, а значит — сакрализованное, слово («законно~ писм#»). Слово Бога — это даръ, поучаться которому, значит «обрѣсти користь многу»; это — нач#тъкъ добрымъ дѣломъ; это — *логосическая* сущность, обладающая своей волей («и пооучаимъ с# вьиноу книжьнымъ словесъмъ • твор#ще волю ихъ "ко вел#тъ»). Самые распространенные определения, выделяющие образ слова Божьего, — прилагательные *свѣтой, святые*.

Общая характеристика речевых концептов, относящихся к **словам — обращениям к Богу**, может быть представлена как *богословие* и *богославие*. Богословие потому, что через подобное обращение вводились ссылки на богословские тексты и давались необходимые сведения о лексике, с которой следовало обращаться свою речь к Богу. Богославие — потому что эпитеты, сопровождавшие имя Бога и его служителей как провозвестников Его Слова, прославляли, славили.

В этом словесном ряду невозможно встретить отрицательно коннотированных лексем или лексем низкого, «простонародного», происхождения. Послед-

* Все цитаты воспроизводятся по изданию: Изборник 1076 года. М.: Наука, 1965. 1091 с.

них, кстати, в «Изборнике» в изобилии: новаторство в области окказионального словотворчества — отличительная черта составителя «Изборника 1076 года», но только не в связи с обращением к Богу. Основной речевой концепт здесь — *молитва*, которая приравнивается к разумному, интеллектуальному началу: «Свѣтъ оубо въ храминѣ свѣштѣ №# • свѣтъ же въ чювьствѣ молитвѣнны разоумъ». Высокая риторичность пронизывает все апелляции к Божественному началу, все обращения искренне патетичны: «Въстени акы мытарь • прибѣгни акы блоудьныи • оумили с# акы ахаавъ • плачи с# акы петръ • зови акы ханааныни • прѣдъстои "ко въдовица моли с# акы иезики# • смѣри с# акы ма-наси • аште тако молиши с# • приметь благии гѣ молтви ппптвѣ»).

Слова — маркеры повседневной речевой практики — самая обширная группа «словесной» лексики в «Изборнике 1076 года». И это неудивительно: ведь большинство его статей обращено к обыкновенному простому человеку, который хочет знать, как должно вести себя в обществе, в быту, в семье, как нужно относиться к старшим, к родителям, как воспитывать детей и т.д. «Изборник 1076 года» по праву может считаться «предтечей» «Домостроя» — свода моральных и этических правил Древней Руси, имеющего новгородские корни.

В отличие от «высоких» лексем двух предыдущих групп, слова, относящиеся к области повседневной речевой практики, «приземлены», «обмирщены». Здесь мы находим такие речевые концепты, которые никогда не могли бы появиться в контекстах, описывающих сакральные ценности. Это пѣр#, мѣлва, бесслави~, срамослови~, оуродослови~, клевета и клеветани~, осуждени~, съвѣщани~. В то же время много и нейтральной, стилистически не окрашенной лексики, но все-таки исключительно мирской: бесѣда, бесѣдовани~, глаголани~. Именно в наставлениях отца сыну, матери — дочерям, духовных завещаниях и вопрошаниях к святым отцам «о правде жизни» мы впервые встречаем один из важнейших современных речевых концептов — "зыкѣ.

Введение слов, представляющих повседневную речевую практику, составитель «Изборника» осуществлял через удивительные по своей силе и глубине метафоры, а также через окказиональное словообразование, чем, вероятно, не только «снижал», так сказать, лексематический статус слова, но и стремился к поистине образной, поэтической передаче мудрых мыслей. Такой окказионализм встречаем, например, в почти рифмующемся наставлении о том, чтобы «никому же не досажати • ни въ словеси ни въ *дѣлеси*».

Метафоры, кстати, в «Изборнике 1076 года» появляются практически с первых строк вступительной статьи: «Не составить бо с# корабль без гвоздii ни праведьникъ бес почитани" книжнааго...» • и "ко же плѣнъникомъ оумъ стоитъ оу родитель своихъ • тако и праведникоу о почитании книжнѣмъ»)). И это при том, что общий контекст введения повседневной речевой практики в целом абсолютно антириторичен: здесь нет никакой патетики, никаких риторических фигур. Зато есть особая проникновенная тональность и бытовая «правда». Как удивительно тонко нужно было чувствовать силу словесного образа, чтобы в столь афористичной форме передать это: «слава и бешѣстие въ бесѣдѣ и языкѣ чловѣчѣ падение ему есть».

Итак, образ слова в «Изборнике 1076 года» многопланов и полифункционален: он и риторичен и антириторичен одновременно, он высок и приземлен, он интерпретирован через обожение и через мирскую житейскую правду, он поворачивается к древнерусскому читателю и своей письменной гранью и устной. Особо ценным представляется именно письменное — «законное» — слово, потому что оно несет просвещение, а именно: учение Христа, Его закон. Наиболее точно эту идею, как представляется, передают на страницах «Изборника 1076 года» слова Исихии, пресвитера Иерусалимского: «Дѣло законно~ мѣни чѣтени~ книжно~ • ~гда бо оумъ съ "зыкѣмъ кѣто хочеть ицѣлити • то въ книги въиноу да зѣреть».